

RUL

20 Pfennig
(200 Milliarden)

18. 4. 1924

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Nessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

съ иллюстрированным воскресным приложением „НАШЪ МИРЪ“
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ
Wochentag-Ausgabe Nr. 79

Подписная цѣна Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными рассылными экспедициями на домъ 1 золотая марка въ недѣлю. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 4,00 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи въ Европ. страны: Австрію 45,00 австр. кронъ, Англию 6 шилл., Бельгію 15 бельг. фр., Болгарію 90 лев., Венгрію 30.000 венг. кронъ, Голландію 3 голл. гульд., Грецію 45 драхмъ, Данію 6 дат. кр., Даниишскую обл. 6 гульд., Испанію 6 пез., Италію 18 ит. лиръ, Латвію 200 латв. руб., Литву 12 литъ, Люксембургъ 15 фр., Мемельск. обл. 12 лит., Норвегію 6 норв. кр., Польшу 3.000.000 польск. м. за 1 мѣс., Португалію 20 эскудо, Румынію 180 лей, Финляндію 30 фин. м., Францію 15 фр., Чехословакію 30 эш. кр., Швейцарію 6 шв. фр., Швецію 4,50 шв. кроны, Эстонию 300 эст. мар., Югославію 60 динаръ. **В о в ѣ с ъ в р о с с і я с т р а н ы:** Азію вост. 3 юны, Азію зап. 5 шилл., Бид. Инд. 3 голл. гульд., Америку вообще 1,50 долл., Аргент. респ. 3 сум. песо, Бразилію 3 милър., Чили 3 сум. песо, Африку: Англ. влад. 5 шилл., Итал. вл. 18 ит. лиръ, Франц. вл. 15 фр.-фр. **Къ заказу просить прилаг. деньги, во изб. замела, высылки.**

Объявленія. Цѣна въ золотыхъ маркахъ:
20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметр (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій,
1 зол. марка 33 пфенн. за миллиметр въ текстѣ,
12 золотыхъ пфенниговъ за миллиметр за объявленія о розыскахъ и смерти,
10 зол. пфенниговъ для врачей,
15 „ „ „ прих. конференныхъ,
10 зол. пфенн. за миллиметр для ищущихъ мѣсть.
При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и полики въ „Ullstein'sche Anzeigen“, Berlin SW 68, Koelstr. 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein's. Редакція (тамъ же) открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 до 3/4 часа дня. Телефонъ редакціи Döhner 47-61.
Основанъ **I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †**

№ 1026-й

Пятница, 18 апрѣля 1924 г.

5-й г. изд.

А. М. Ремизовъ.

(По поводу)

... Вы устали? Вамъ хочется провести этотъ вечеръ дома? И вы не пойдете на вечеръ Ремизова? Того Ремизова, которого цѣните, любите и книжка котораго лежитъ сейчасъ на вашемъ столѣ? Я не буду васъ уговаривать: какъ всё женщины, вы упрямы. Ложитесь спать и пускай вамъ снятся радостные сны, а я предпочитаю погреться около Ремизова, съ Ремизовымъ...

*

И весь вечеръ, презя съ Ремизовымъ, я думалъ о васъ и жалѣлъ васъ. Вы обокрали себя. Вы лишили себя многого, главное — неповторяемаго. Музыканта, въ любимомъ номерѣ его программы, актера въ коронной роли, балерину въ ея высшемъ достиженіи, вы можете пропустить сегодня, посмотреть и завтра, и послѣзавтра, и въ слѣдующій прїездъ, а писателя, поэта — они выступаютъ такъ рѣдко; а вотъ, напримеръ, этотъ Ремизовъ — живетъ въ Парижѣ уже давно, а появляется въ первый разъ и Богъ знаетъ когда еще появится.

Мнѣ жаль васъ и всѣхъ кто не быть на этомъ вечерѣ. Были многие; огромный залъ, «Литотин» былъ совершенно полонъ, но сколькихъ не было...

Вы говорите, что писателю надо читать, а не слушать и не смотреть пьесъ? Вы даже вспоминаете Флобера: «На приксайтесь къ идеаламъ, съ нихъ слетитъ отъ этого поводокъ»... Мнѣ жаль васъ, жаль сугубо: и потому, что вы не были

вчера на вечерѣ, и потому что вы такъ думаете. Мы съ вами осуждены жить среди Иваловъ Ивановичей и Марій Иваловичъ, куда не оглянись, — всездѣ инвентаризованы Иванъ Ивановичъ и Марія Ивановна. Они могутъ быть прекрасно дрессированы... я хотѣлъ сказать — воспитаны — знать до тонкости всю мѣщанскую пошлость «хорошаго тона», но, понимаю ли, — въ ихъ свѣтской, или претендующей на свѣтскость, компаній духъ барахтается, какъ въ лужѣ, микель испепелитъ и воздухъ становится спортымъ, какъ въ непровѣтреномъ кабакѣ. Къ счастью, у насъ имѣются форточки. Къ счастью нашему, между нами живутъ люди переросшіе Иваловъ Ивановичей и Марій Иваловичъ. Самые значительные изъ нихъ — писатели. Можно быть незнакомымъ съ музыкой, съ живописью, съ театромъ, но нельзя, оставаясь человекомъ, не знать литературы. Писатели — творцы вашего духа. Забѣтательны ихъ произведенія, замѣчательны они сами. Незабѣтательный не можетъ создать замѣчательнаго. Съ точки зрѣнія тошнотворной инвентаризованной пошлости они могутъ быть страшны, неприятны, «невоспитаны». Они могутъ не знать, что салфетку кладутъ на колѣни, а не заглядываютъ за шпатель, что смокникъ не носятъ иначе, какъ съ закрованными туфлями — а въ свѣтскія чернъ такъ дороятъ этими видѣніями: это единственное, что отличаетъ ее отъ чернъ не-свѣтской. Кроме того свѣтская чернъ-прирожденная прачка: она съ восторгомъ стираетъ грязное бѣлье и поразительно разбирается въ немъ. Мы съ вами знаемъ литературу и литераторовъ, а имъ осталось бѣлье: писатель такой то?

ахъ, это тотъ, который пьетъ; писатель какой то? — это тотъ, кто измѣняетъ своей жепѣ; или живетъ слишкомъ скупо или расточительно... А вы знаете, какое онъ написалъ письмо Ивану Ивановичу Иванову? И писателей они творятъ по образу и подобию своему, всѣхъ превращаютъ въ Иваловъ Ивановичей...

Узнавъ, пронохавъ, сыщени выѣдалъ то, въ чемъ писатель сливается съ ними, и не имѣя въ своемъ организмѣ такихъ органовъ, которые могли бы ощутить то, чѣмъ онъ отъ нихъ отличенъ, эти люди кричатъ:

— Онъ такъ же плохъ какъ и мы!

— «Врете, подлоцы, не такъ какъ вы — иначе», отбѣтилъ имъ Пушкинъ.

По иному плохъ и по иному хорошъ. И всегда носить въ себѣ загадку. Загадка — его душа: загадка — его творчество; загадка — онъ самъ. Загадка десятковъ томовъ неуловимаго творчества влудитъ промерещивается въ томбѣ голоса, въ его интонаціи, во взглядѣ, въ фигурѣ, въ улыбкѣ, — странно глубокое въ поверхностномъ и, какъ будто, случайномъ.

Отъ трехъ съ половиной лѣтъ и до сегодняшняго дня, я читалъ почти ежедневно Льва Толстого. Но если бы я не видѣлъ, собственными глазами, этого маленькаго сутулаго старичка (а не великана, какъ создали его иконографія), если бы я не слышалъ тембра и тона его голоса — я не понималъ бы самаго значительнаго, что мнѣ открылось въ Толстомъ. И знаю я нѣчто глубже, чѣмъ вы, въ Аполлонѣ Майковѣ и въ Полонскомъ, не потому что я знаю ихъ наизусть, а потому что бесѣдовалъ съ ними и поронисывался съ ними. Тоже — относительно ряда другихъ,

Если бы вы понимали, какое великое незаслуженное счастье выпадает на вашу долю, когда у вас является возможность увидеть крупного писателя. Фурточку открыли в вашем тамбоне и затхломе курятник. Как хорошо видеть больших людей. Как легко дышать чистым воздухом. Как радостно быть в горах, близко к звездам, далеко от земли.

Мне жаль, что вы не слышали и не видели Ремизова.

Видь Ремизовъ особеннѣ почти всѣхъ особенныхъ. Очень ли онъ крупнѣ, прохочетъ ли крупнѣ — мнѣ сейчасъ вовсе не хочется разбираться въ этомъ, а вотъ, что онъ — чортъ его знаетъ, какой!.. Можетъ быть онъ даже самъ чортъ и сестъ. Страшно русскій чортъ, но, вообразите, очищенный отъ всякой пошлости. Можетъ быть — чортъ, а можетъ быть — праведникъ. Нагѣрное и то и другое. Это только у русского народа возможно. Все о чертахъ да о святыхъ пишеть. Помню, какъ испугался, увидѣвъ его въ первый разъ, давно уже, въ Москвѣ. Вышелъ: маленький, черненький, мохнатенький; можетъ быть, поклянется, что выхры у него бутрами, съ маленькими рожами. Выраженіе и лукавое, и ласковое, и грустное — совѣмъ какъ у русского чорта, понавшего къ людямъ, возлюбившаго людей и свято токующаго по своему чертовскому происхожденію.

Сталъ онъ на кафедрѣ; я думалъ читать будеть, а онъ вдругъ какъ затархитъ, какъ залопочеть, какъ посыплетъ горохомъ — не горохомъ, словами — не словами, — ахъ, чтобъ тебя! Да это не по людскому совѣмъ: такъ черти на гумахъ горохъ, молотить. А самъ сгѣнется лукаво-

лукаво, а въ лукавствѣ его доброты и ясности, какъ у хорошаго трехлѣтняго мальчика.

Вотъ такіе и черти русскіе — милые, добрые, дурашливые. Чортъ болотный. А можетъ быть не чортъ, а болотный пощѣ. Помните, тотъ что у Александра Блока, который и лигушкѣ лапу перевяжетъ и бѣспна приласкаетъ, молится и за эту болотную лагушечью лапу «и за римскаго папу», потому что —

«Душа моя рада
Всякому гаду,
И всякому звѣрю,
И о всякой вѣрѣ»...

Ахъ, пощѣ болотный! Ахъ, болотные чертенята! Ахъ, милый оборотень, несущій имя типайшаго царя Алексѣева Михайловича. Развѣ онъ писатель? Развѣ у него темы, и слова, и фразы? Онъ — морево, навожденіе. Изъ какого вромснѣ? Чья въ немъ душа? Мы ведемъ свои роды отъ разныхъ тамъ умниковъ, а у него въ родетѣ самая важная штука какая-нибудь корябала, и самъ онъ появился изъ какого-нибудь шна, среди тѣса дремучаго и захохоталъ лѣшій и заухали филины, а рядомъ стояла часовенка и въ ней въ это время золотымъ огонькомъ загорѣлась свѣча передъ Николомъ, угодиномъ мѣлостнымъ. Со всей нежнью и нечистотю въ кровномъ и духовномъ родетѣ; но видъ нечотъ и нежитъ можетъ быть она, отверженная, оглашенная, святыню то любитъ куда больше чѣмъ мы, люди. Спаситель и для нея видъ имѣется и даже свой собственный. Къ людскому те имѣ боязно подходить:

— Ты прости насъ, старушка ты Божія,
Не бери насъ въ святая мѣста:
Мы и здѣсь лобызамъ подножію
Своего полевого креста.

И у Ремизова, какъ у Блокоскихъ чертенятъ, свой полевой Христосъ. И все въ природѣ у Ремизова съ Христомъ и съ нечистотю. Вотъ его «Весна священная». Священная или вадовская? Вся бурлитъ, вся сверкаетъ, вся пылаетъ. Вотъ несутся

— «А по россыни волнѣ на волнѣ
Бодьяннѣ,
И лишь одна его голова, — куча сѣнная
— торчитъ надъ водой.
Нитѣмъ не заманишь чумазаго въ те-
мень, на студное дно,
Довольно зимой наглотался ершей, и
плыветь и плыветь, охмелѣть».

А потомъ сталъ Ремизовъ про Петьку, да про Потькинну бабушку читать. Тутъ ужъ онъ не горохъ молотить. Тутъ у него каждое слово тихо, ласково, свѣтло; до самой души доходитъ.

Что Петька, что бабка: оба малые, оба милые; оба въ простотѣ своей у Бога самымъ любимые. А вотъ и не оба только; и Ремизовъ самъ — третій. И онъ, кажется, какъ Петька скажетъ: «совсю себя гнѣздо да и спесуетъ»... И всѣхъ трехъ ихъ Богъ любитъ, и я люблю, и публика, пришедшая слушать такъ вдругъ полюбила. Всѣ маленькими и добрыми одлались; всѣ хохотуть и радуются, но хотять Ремизова съ эстрады отпускатъ.

Потому — хорошій онъ.
Сергѣя Яблоновскій.

Паризь